

Свет падал на него лишь наполовину, окутывая фигуру полумраком. Затем край одежды мелькнул и скрылся, оставив перед взором лишь удаляющийся силуэт.

Пей Чжо невольно сделал шаг вперед, следуя за этим человеком внутрь.

Дом оказался небольшим, простым и опрятным, однако в устройстве внутреннего двора чувствовался изысканный вкус. Пройдя по крошечной галерее через плитку, положенную над ручьем, всего за пару шагов можно было пересечь бамбуковую рощу и оказаться в просторном заднем дворе. Несколько кустов «алой инеи» тянули свои тонкие ветви к лунному свету, а по углам стен уже начали виться свежие зеленые побеги.

Если бы не А-Чжань, который крепко спал за каменным столом, это место выглядело бы как воплощение утонченного стиля южного Тан.

Цзян Нинье заметил, что Пей Чжо ведет себя неестественно тихо — даже дыхание его было едва слышным. Повернувшись, он неспешно произнес:

— Изначально это была пустошь. После реконструкции дом долго пустовал. Я думал, А-Чжо, что ты, вернувшись, захочешь пожить в родных местах. Но бывшее поместье рода Пей теперь отошло к моему управлению, и Его Величество не одобрил бы твой переезд. А еще я подумал, что ты, возможно, не захочешь ворошить прошлое.

Лунный свет отразился в его прищуренных глазах:

— На мой взгляд, здесь как раз то, что нужно. Не знаю, придется ли тебе по душе? Если А-Чжо не нравятся эти деревья — прикажи срубить. Если не нравится само место — давай...

— Здесь очень хорошо, — Пей Чжо прервал его, а его глаза по-прежнему оставались холодными и отстраненными. — Благодарю, Ваше Высочество.

К удивлению Цзян Нинье, ледяная отчужденность в поведении собеседника чуть поубавилась, ему даже почудилось, что Пей Чжо был тронут... но, присмотревшись, он решил, что это лишь иллюзия.

Пей Чжо стоял рядом с деревом «алой инеи», словно зимние сумерки — холодный и изящный, они идеально дополняли друг друга. Его обычно ледяной взгляд сейчас выглядел так, будто подтаял снег, скрывавший мягкость.

Цзян Нинье невольно засмотрелся.

— Кстати, — он остановился, — находясь на Северных Границах, ты получал мои письма?

С того самого момента, как он оправился от тяжелой болезни, письма стали приходить в Хуабинь ежемесячно. Он слышал, что всё прошлое неразрывно связано с другим человеком. Было ли это попыткой прощупать почву или данью приличиям — он не мог упустить ни малейшей детали.

Пей Чжо слегка замер, а затем кивнул.

— Но почему же ты ни разу не ответил? — в его влюбчивых глазах промелькнула обида.

Пей Чжо отвел взгляд, а его голос прозвучал подобно чистой горной реке:

— Ваше Высочество, пограничные дела отнимают всё время, боюсь, я не мог отвечать вовремя. К тому же, отношения государя и подданного строго регламентированы, а Его Величество не любит, когда приближенные к престолу знатные особы создают кружки по интересам. Подобные действия неуместны.

— С чего вдруг неуместны? — Цзян Нинье не собирался так просто оставлять эту тему. — А-Чжо, мы же были соучениками и близкими друзьями, можем обращаться друг к другу, как раньше...

— Ваше Высочество никогда так меня не называли, это неуместно. И слово «друзья» тоже неуместно.

— В чем же неуместность? В Городе Цзи всем известно, что мы — близкие друзья. — Цзян Нинье пристально смотрел на него, стараясь выглядеть абсолютно искренним и невозмутимым.

Пей Чжо глубоко вздохнул и тихо, но твердо произнес:

— Это неправда.

Цзян Нинье удивился:

— Но в народных сказаниях...

— Все эти истории — вымысел, прошу Ваше Высочество не верить им.

— Но тогда...

— Ваше Высочество верно не помнят: в ту пору учебная программа была слишком напряженной, Вы редко появлялись в учебном зале и ни с кем не поддерживали близких отношений. — Он произнес это слово в слово, с полной уверенностью.

Цзян Нинье почувствовал неладное. Неужели они с Пей Чжо были лишь случайными соучениками без всякой дружбы? Но это невозможно, ведь все новости, что он слышал годами, говорили об обратном. Неужели слухи разрослись так сильно, что кто-то их выдумал?

Он посмотрел на серьезное лицо Пей Чжо: тот явно не лгал, и это вызвало у Цзян Нинье одновременно подозрение и неловкость.

— Ох... — на мгновение в глазах Цзян Нинъе блеснул гнев, но он тут же сделал вид, что ему всё равно. — Что ж, неважно. Уже поздно, А-Чжо, отдохни. Если что-то понадобится, просто прикажи кому-нибудь передать.

Его взгляд упал на плечо Пей Чжо, где на чистой одежде лежал листок, прилетевший с ветки. Он протянул руку, смахнул его и мягко добавил:

— На улице холодно, не забудь одеться теплее.

Лишь когда фигура Цзян Нинъе окончательно исчезла, Пей Чжо с тяжелым вздохом облегчения выдохнул.

А-Чжань проснулся и начал тереть глаза. Он указал на передний двор и принялся жестикулировать. Пей Чжо понял: вещи расставлены, но в соседнем княжеском поместье настояли на том, чтобы прислать прислугу. А-Чжань не смог отказать, поэтому выбрал старика и двух молодых служанок. В конце концов, их хватит: кто-то будет стирать, кто-то готовить...

Он беззвучно шевелил губами, пересчитывая на пальцах. Когда он закончил, Пей Чжо слегка кивнул.

На каменном столе стояла шкатулка из сандалового дерева, от времени потерявшая свой блеск, но потайной замок на ней по-прежнему был надежно скрыт. Пей Чжо нажал в нужном месте, и она открылась сама.

А-Чжань, опираясь на стол, заглянул внутрь: там лежала стопка пожелтевших листов, плотно исписанных то небрежным, то каллиграфически точным почерком. В конце каждого письма стояла красная печать с иероглифом Спокойствие. Сверху лежала кисть с изящным черенком, расписанным горным пейзажем, который был испорчен глубокой трещиной, словно раскалывающей горы и реки надвое.

Пей Чжо погладил кисть и вдруг спросил:

— А-Чжань, знаешь ли ты, что у этой кисти тоже есть имя?

А-Чжань моргнул и сделал несколько жестов.

— Таньтай Цинъянь... Она действительно была со мной долгие годы, — прошептал Пей Чжо.

Он сидел на холодном каменном табурете, закатав рукав и открыв одинокую бусину, нанизанную на темно-красный шнурок. Белыми пальцами он достал старую кисть, наклонил канделябр, и пламя в одно мгновение лизнуло внутренность шкатулки, поглощая всё содержимое.

Все полные глубоких чувств слова превращались в никому не нужный пепел, рассеиваясь в пустоте.

Ровно семьдесят два письма.

Тот человек в те годы был так болен, что, должно быть, начал этот план, лишь когда годами

был прикован к постели.

Эти письма, полные притворства, сопровождали Пей Чжо десять лет в ночах на Северных Границах. Всякий раз, когда он не мог уснуть, эти бездушные листы помогали его мыслям преодолеть тысячи гор и рек.

Даже если почерк в письмах был чужим и небрежным, совсем не того человека.

Даже если слова в них не были сказаны им.

Но теперь...

Тот человек был совсем рядом.

Пей Чжо сжал в руках старую Таньтай Цинъянь так, что побелели костяшки пальцев.

Поместье Пей было совсем близко, тихо застыв на другой стороне улицы. Те глаза, что вглядывались в него по ночам, теперь, казалось, яростно мерцали в пламени на каменном столе.

Там словно виднелись тени.

Господин Ань из бухгалтерии, прыгающий Сяо Вань, Сяо Чи, моющий чернильницу, господин Сяо, приносящий новогодние подарки...

Десять лет назад их было сто тридцать четыре человека.

Сто тридцать четыре пары глаз смотрели на него из темноты.

И не только они.

Дальше, в сплетении горных хребтов южных провинций, в городе Нинъянь тридцать третьего года правления Фэнъянь. Под крепостными стенами, у вод облачной реки — тысячи криков и тел терзали его.

Все они смотрели на него.

Ждали дня, когда кто-то захочет похоронить их останки.

Пальцы Пей Чжо обожгло, он невольно сжал ладонь. Эта легкая боль была ничем по сравнению с той, что жила внутри него. Она не могла вывести его из оцепенения.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем пламя погасло, и до его слуха донеслось еле слышное заунывное пение, полное печали и скорби. Неизвестно, в каком переулке Императорской столицы снова заиграли погребальную музыку.

Капля воды упала на тыльную сторону ладони Пей Чжо.

За ней вторая, третья.

Его хрупкая фигура замерла под весенним дождем, перед бамбуковой рощей, и никто не знал, куда устремлен его взгляд сквозь глубокие тропы.

В ту ночь, когда он ушел, весенний дождь так же холодно стучал по камням, а топот коней уносился к далеким горам. В ту ночь он не видел охваченных паникой жителей Города Цзи и багровое зарево над поместьем Цинхэ.

Он не знал, как вражеская стрела в холодном дожде пробила грудь его учителя, так же как не знал, высохла ли кровь на черепице тех крыш.

Пей Чжо наклонился и пальцами разрыл грязь у стены — не страшно, если испачкается одежда. Он медленно закопал сломанную ветку сливы в землю. Быть может, молчаливая слива, подобно ему, тоже ночами раз за разом вскрывала кровоточащие раны, стараясь запомнить каждое живое лицо?

Дождь размыл его лицо и одежду. Это не имело значения.

Три дня спустя, на утреннем заседании.

— ...Значит, по мнению главы Чжан, если мы отправим людей из Надзорной палаты в Юэчжоу, они не станут набивать карманы и воровать казну? — голос Хань Цзиня, эхом отразившись в Зале Мирного управления, вызвал волнение.

— Что вы хотите этим сказать, господин Хань? — Чжан Жохань слегка приподнял бровь.

Оба застыли в напряженном противостоянии.

Пей Чжо стоял в другом ряду. Сегодня был его первый день при дворе, и, выслушав перепалку, он в общих чертах понял суть дела.

Причиной послужило присвоение средств губернатором Юэчжоу Чжу Куанем, отвечавшим за строительство каналов в Нинъяне. Когда всё вскрылось, тот утопился. Это случилось месяц назад, но дело до сих пор не сдвинулось с мертвой точки. Надзорная палата настаивала, что нужно провести расследование, а должность губернатора нельзя оставлять вакантной. Чжан Жохань предложил отправить кого-то из их ведомства, но Хань Цзинь неожиданно встал в позу, требуя выбрать кандидата из шести министерств.

Все знали, что Хань Цзинь и Чжан Жохань терпеть не могут друг друга. Но сейчас должность губернатора затрагивала интересы Великого наставника, стоящего за Надзорной палатой, и никто не осмелился бы открыто бросать вызов такому человеку. Все втайне переживали за Хань Цзиня.

В конце концов, в спорных ситуациях Император всегда спрашивал совета у Великого наставника.

За жемчужной завесой Ли Сысюань крутил в руках черную фишку, погруженный в раздумья над доской.

— ...Ваше Величество, — Хань Цзинь сложил руки.

Ли Сысюань, чьи багряно-золотые рукава волочились по золотому трону, пришел в себя:

— Что же... Великий наставник, как вы смотрите на это?

Хань Цзинь затаил дыхание.

Чу Лян, не обращая внимания на взгляды окружающих, не спеша расправил одежду:

— Я бы хотел услышать мнение секретаря Чжуншу. У господина Пэя, должно быть, есть свой кандидат?

Все переглянулись. Великого наставника нельзя гневить — одно неосторожное слово, и ты покойник. Но если Пей Чжо согласится с ним, то подтвердит статус человека из партии наставника, а если верить слухам — станет острым клинком, помогающим злодеям. Рано или поздно его утопят в людской ненависти.

Сегодня был первый день службы Пей Чжо, но не первый раз, когда ему нужно было выбрать сторону. Еще четыре года назад после битвы при Хуабине он уже всё решил.

Хань Цзинь многозначительно посмотрел на него, краем глаза заметив, как Чу Лян не спеша развернулся.

Господин Пей, на которого были устремлены все взгляды, не задумываясь, с неожиданной прямоотой ответил:

— По моему скромному мнению, с этой задачей справится Сян Вэй, начальник уезда Юймэнь.

...Сян Вэй?

Чиновники зашептались: кто это такой?

Хань Цзинь нахмурился, имя казалось знакомым, но он не мог вспомнить, где его слышал.

— Сян Вэй... — вдруг медленно произнес Ли Сысюань. — Кажется, я помню, в докладе генерала Ду Юэ с Северных Границ он упоминался первым?

Министр чинов Ван Чжоу вышел вперед:

— Ваше Величество, всё верно. Господин Сян раньше служил в Личжоу, после перевода в Юймэнь он навел там идеальный порядок, превратил пустоши в пашню и провел ирригацию, за что снискал любовь народа. Генерал Ду также хотел рекомендовать его на пост губернатора Ючжоу.

Это вызвало бурю обсуждений. В Северных Границах сорок городов Ючжоу — важный стратегический оборонный узел. Повысить человека с поста начальника уезда сразу до губернатора — это немыслимое нарушение правил.

— Пост губернатора Ючжоу слишком важен, прошу Министерство чинов быть осмотрительнее. Может, сначала назначить его заместителем и отправить в армию Юймэнь? Так он и с пограничной ситуацией ознакомится, и поможет генералу Ду и генералу Гу. А через полгода

или год можно будет и повесить, — предложили некоторые.

— В этом есть смысл, — прищурившись, прокомментировал Чжан Жохань.

Хань Цзинь, услышав слова «армия Юймэнь», насторожился.

Кто не знает, что глава армии Юймэнь, генерал Гу Линсюань — прославленная воительница Государства Тан, является приемной дочерью Чу Ляна?

Тот, кто предложил это, явно из партии наставника, они выращивают себе верных слуг!

Хань Цзинь сразу нашелся:

— Такой талант нужно использовать с умом. Юэчжоу богат, народ там живет спокойно, а сам регион намного меньше Ючжоу. Если господин Сян сначала разберется с положением в глубине страны и проявит себя, это будет справедливее.

Хань Цзинь ждал, что кто-то из людей наставника начнет спорить, но увидел лишь удивленный и насмешливый взгляд Чу Ляна. Сердце его похолодело — он понял, что ошибся. Повернувшись, он увидел, что Пей Чжо по-прежнему невозмутим.

Чу Лян неторопливо произнес:

— Предложение господина Пэя весьма разумно, вижу, господин Хань тоже согласен. Пусть Его Величество решит.

На золотом троне Ли Сысюань поставил черную фишку на доску, не поднимая головы:

— Так и решим.

На выходе из дворца Хань Цзинь шел в толпе и слышал слова одного из чиновников:

— Ужас, я думал, господин Хань сейчас поссорится с господином Чжанем. Обидеть наставника — и что бы стало с его семьей? К счастью, господин Хань мудр, наставник вряд ли припомнит ему прежнюю дерзость.

— Именно, у господина Ханя есть дочь, он понимает, как наставник дорожит генералом Гу, и не позволит какому-то юнцу без роду и племени стать ее помощником. В отличие от господина Чжана, у которого никого нет, он такого не поймет...

— Кстати, странно, Сян Вэй тогда был сослан в Личжоу, потому что Управление Юси нашло на него компромат, он был просто козлом отпущения...

— Тсс, тише, если кто-то донесет в Управление Юси...

Хань Цзинь почувствовал, как у него загудело в голове, и оступился на ступенях.

Чья-то рука подхватила его.

— Господин Хань, осторожнее. — Голос звучал холодно, вежливо и отстраненно.

Хань Цзинь поднял глаза и встретил равнодушный взгляд Пей Чжо. Он резко отдернул руку:

— Никогда бы не подумал, что молодые таланты так быстро становятся приспособленцами.

Окружающие замерли. В Зале Мирного управления все следили за языком, боясь доносов людей Чу Ляна. Хань Цзинь обычно вел себя тихо, а сегодня был не в духе — возможно, из-за Чжан Жоханя.

Пей Чжо не обратил внимания на яд в его словах:

— Если я чем-то оскорбил вас во время заседания, прошу прощения.

Хань Цзинь сверкнул глазами, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться, но в итоге промолчал. Проходя мимо Пей Чжо, он процедил:

— И правда, не в одну семью не вступают зря. Господин Пей, будьте впредь осторожнее.

Эти слова были слышны лишь им двоим. Пей Чжо не ответил, пропуская его. Хань Цзинь... Пей Чжо помнил его, много лет назад он враждовал с Пей Юйшу.

Когда Хань Цзинь ушел, Пей Чжо уже хотел двинуться дальше, как услышал голос Чжан Жоханя:

— Господин Пей, вы всё обдумали? С сегодняшнего дня при дворе больше нет сироты из рода Пей, есть лишь секретарь Чжуншу Великого наставника.

Пей Чжо не обернулся, его голос был холоден:

— Какая бы ни была должность, она служит государству Тан. К тому же, мой выбор четыре года назад господину Чу известен лучше всех.

Чжан Жохань захлебнулся от негодования, но Пей Чжо добавил:

— К тому же, в этом мире никогда не было никакой сироты из рода Пей. Господину Чжаню стоит следить за своими словами.

— ...Ты! — Чжан Жохань, взбешенный, взмахнул рукавами и ушел.

Пей Чжо стоял на ступенях Зала Мирного управления, глядя на высокие дворцовые ворота — холодную каменную глыбу, отделяющую этот мир от остального.

В карете по пути домой, на узком повороте, внутрь проскользнула фигура. А-Чжань, жуя травинку, широко улыбнулся. Его черты были резкими, но клыки придавали лицу юношескую мягкость.

— Ты видел? — спросил Пей Чжо.

А-Чжань кивнул и достал из-за пазухи клочок бумаги, на котором было написано два иероглифа — Красный павильон. Убедившись, что Пей Чжо прочитал, он тут же разорвал бумагу в клочья и выбросил их через занавеску в реку Цзяньхэ.

Затем А-Чжань начал жестикулировать.

Пей Чжо слегка кивнул:

— Тех, кто устроил на нас засаду в тот день, было, конечно, больше, чем люди из Управления Юси и Храма Бога Дракона.

Десять лет власть Управления Юси и Храма Бога Дракона росла. Фракция Чу Ляна, опираясь на благосклонность Ли Сысюаня, вела себя вызывающе. Эти люди были столь могущественны, что чиновники боялись их, откупались взятками или выражали преданность, чтобы выжить. Даже князя.

Те, кто отказывался, становились жертвами сфабрикованных дел: пытки, конфискация, ссылка — всё решалось одним словом. За эти годы было смещено множество местных чиновников, почти всех заменили на лояльных Управлению Юси.

Пей Чжо помнил, как в прошлом году губернатора Бэйхайчжоу бросили в тюрьму вместе с семьей лишь за то, что брат его жены подозревался в краже. Подобные события происходили постоянно.

Поэтому при дворе царил страх, каждый думал лишь о выживании, никто не смел говорить о налогах или принудительных работах. Закрыв глаза и заперев ворота, никто не хотел ничего видеть.

Однако, как гласит закон, в мире всё доходит до предела и начинает двигаться в обратную сторону. Действия фракции Чу Ляна неизбежно вызвали скрытую ненависть, которая копилась годами. Капли, падающие в темноту, в замешательстве постепенно собирались вместе, образуя мощный поток.

Пей Чжо не видел этой силы. Но он знал, что она существует и давно ждет своего часа.

Тех, кто устроил засаду по пути в Императорскую столицу, было больше — там были и те, кто скрывался в этом темном потоке.

А-Чжань странно поднял голову: он заметил, как в глазах Пей Чжо промелькнула редкая улыбка.

— Не беспокойся, это повод для радости, — сказал Пей Чжо.

А-Чжань почесал затылок, в его ярко-голубых глазах читалось недоумение — он никак не мог понять, почему.

Вдруг карета остановилась, и А-Чжань едва не вылетел наружу.

Пей Чжо отодвинул занавеску: у ворот поместья громоздились ящики, почти перекрывая переулок. Весенний дождь начался снова, размывая каменные плиты.

Человек в небесно-голубых одеждах, держа масляный зонт, стоял перед этой горой коробок и пристально смотрел на него. Вечерние сумерки падали в его глаза, делая его дерзость и остроту чуть мягче.

Дождь смыл с мира всю суетную пыль, но не мог скрыть этого человека.

Он склонил голову набок и тихо улыбнулся Пей Чжо.

<http://bllate.org/book/21168/2144691>